

ВРЕМЯ ИЗ БДЕНИЙ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

В переводе кн. Николая Голицына

ВРЕМЯ

Уже благотворное светило, освещающее землю, скрылось с небосклона, и яркие его лучи уступили место ночи, которая мрачным своим покрывалом обняла и смешала все предметы. Она приглашает на сладкий покой людей, утомленных трудами дня. Но, пока люди предаются сну и наслаждаются необходимым отдыхом, спокойные часы безмолвно продолжают свое течение. Время не спит: это огромная река, которая все с собою уносит, не останавливается никогда: тихо и без шума течет она. И во сне человек продолжает свой путь; когда нам кажется, что утомленная природа как будто отдыхает, она приближается к своему концу. Беззаботно мы засыпаем и часто, не смыкая глаз, проводим жизнь в вечном сне: забываем, что мы странники на земле, и, чтобы не заметить совершенного уже нами пути, покрываем нашу тленную ладью и в ней предаемся сну. Человек печется только о том, как бы продлить свое заблуждение, и проводит жизнь в пагубном забвении всех опасностей и искушений, которыми он окружен.

О, безрассудные! перестаньте себя обманывать, свергните с себя летаргический сон, в который вы погружены, и гибельную беззаботливость. Сорвите покрывало и взгляните на берега, от которых вы беспрестанно удаляетесь. Постепенно оставляете вы их с быстротою молнии: с каждой минутой скрывается от ваших взоров один из этих берегов, появляется другой, который с тою же быстротою исчезает; и после тысячи ходов и обходов по этой извилистой реке, вы можете в каждое мгновение очутиться у устья, которое вдруг выбросит вас в вечность. Че-

ловец не дорожит временем: однако оно есть залог, вверенный ему небом для приобретения вечного блаженства; оно есть сокровище, которого утрата невозвратна, а люди большею частью расточают его из одних тщеславных видов!.. О, верьте мне! время есть драгоценность, которой потеря ничем вознаградиться не может!

О, злополучные дни юности моей, где вы?.. Кто возвратит мне эти преступные годы, чтобы я мог посвятить их на добрые дела? Кто мне воскресит их, чтобы я мог омыть постыдные пятна, которыми я их осквернил? Увы! вы бежите от меня, не слышите моего вопля, беспрестанно более и более от меня удаляетесь! Тщетно стремлюсь уловить вас хоть мыслью!... Тщетно вас призываю... вы молчите... продолжаете улетать от меня с тою же быстротою! Увы! что же мне делать? Остается только проводить вас потоками слез и, проливая их у подножия Спасительного Креста, просить у небесного Царя милосердия и помилования.

Жизнь кратка: едва оставили мы колыбель, уже стоим у преддверия гроба. О том тоскуют и жалуются ежедневно все люди, однако не знают, как провести время. Для многих из них оно есть даже нестерпимое иго: дни представляются им веками, они изнемогают от скуки и усталости¹. Между тем часы текут, и как будто бы они не довольно быстро текли, надобно еще ускорять их ход тысячами нелепых выдумок, чтобы только скорее избавиться от времени. Безрассудные! так жить — значит не жить, а сбрасывать с себя жизнь, данную нам на украшение души и приобретение добродетели: жизнь есть дарованное нам время для насаждения на земле плодов бессмертия, которые мы должны вкусить в жилище вечном; тратить дни в постыдном бездействии, проводить их в пустых увеселениях — значит не жить, но ходить только с живыми и быть действительно мертвым, подобно иссохшему дереву, которое держится еще на корне, но плодов более не приносит.

О мы, несчастные смертные! никогда мы так не умудряемся, как когда заботимся о нашей гибели. Все предвещает нам, что мы скоро должны исчезнуть с лица земли; но мы, к несчастию нашему, не хотим внимать столь спасительному голосу и всячески стараемся заглушить его. Мы ходим на могилах, будучи уверены, что могила скоро отвернется и для нас: каждое мгновение нашей жизни может низвергнуть нас в нее, а мы ступаем твердою ногою, как будто бы нам умирать не следовало. Ежедневно видим бессчетное множество живых, исчезающих в глазах наших; без страха продолжаем предаваться самым сует-

ным увеселениям, всегда глубже и глубже погружаемся в лютаргический наш сон. Но вдруг земля отверзает свои бездны: тогда, объятые страхом, мы хотели бы открыть глаза, но уже поздно: пришло время закрыть их навсегда.

Время пожирает человеческие поколения подобно жнецу, который убирает жатву с полей; но, пока одни исчезают, являются другие, которые в свою очередь сменяются подобными другими, так что едва заметна пустота, причиняемая беспрестанно действующею косою смерти. Так постепенно волна следует за волною: никогда река не пребывает в том же положении, а между тем она все так же наполнена водою и продолжает свое течение. Где ныне те поколения, которые населяли землю в минувшем столетии? куда девались те, которые существовали в давно минувших веках? Подобно речной воде, они протекли и исчезли в устье вечности. С каждым захождением солнца погибает часть рода человеческого; каждая ночь в мрачной своей пелене уносит навсегда многих обитателей земли: а человек в беззаботливости своей все еще прилепляется всем сердцем к земле, как будто бы ему не следовало с нею никогда расставаться.

История народов не более как непрерывная запись рождения и смерти людей: на каждом шагу земля представляет нам примеры человеческой бренности и торжества времени. Везде нахожу обработанные поля, которые некогда были степью; вижу населенные города там, где прежде была дикая природа, где господствовало уединение; но нахожу также разорение там, где некогда было изобилие, разрушение там, где процветали великолепные столицы. Пробегаю внимательным взором груды камней, заросших тернием и мхом, но ничего распознать не могу. Мысль моя стремится проникнуть сквозь эти развалины и, извлекая истекшие века из пыли, которою они покрыты, ясно представляет мне все предметы в тогдашнем их положении. Здесь были царские чертоги; тут воздвигнута была крепость со стройною оградой непреодолимых стен; до сих мест простирались населенные города; тут собирались судьи; здесь площадь, где народ предавался увеселениям. Мысль моя переносится к тому времени и следует всем движениям бесчисленных прежних жителей; но вдруг оглядываюсь — мечта исчезла, и одни только груды безобразных камней остаются пред глазами моими!..

Древние народы! вас нет более; и вы, камни, ужасные развалины, печальные остатки жилищ исчезнувших племен, составлявшие некогда храмы и дома для живых, — что вы теперь?..

Сколько раз господствовали в ваших стенах веселие и радость? Сколько в них было пролито слез? Тут унывали от горести и вздыхали от любви. Теперь все кончено навсегда! Так прекращается и поприще человека на земле: все его старания, обширные предположения, высокие замыслы, огромные предприятия, радости, печали — все с ним погибает, все исчезает под горстью земли.

О, Вавилон! о, Троя! города, некогда столь славные и могущественные, — вас нет более! В судьбе вашей читаю будущую участь тех царств, которые ныне обращают внимание вселенной. Нет ничего постоянного на земле: всему земному есть конец и все, что имеет начало, имеет и предел, за который переступить не может. Все, что освещено солнцем, разделяет его движимость; все изнемогает наконец под тяжестью веков, все уступает разрушительной силе времени. Время есть колесо, которое, оборачиваясь безостановочно, приводит беспрестанно те же самые явления.

Знаменитые государства, великие народы! вы кончили ваше существование, ваше поприще совершилось. Давно минувшие века видели возрастающую вашу славу и могущество: последующие видели вас на самой высокой степени величия, но позднейшие века видели ваше падение и наконец — уничтожение. Покуда вы склонялись к падению, другие государства возникали, другие народы начинали восставать. И они так же пройдут, как и вы: и при их падении нить веков, развиваясь более и более, приведет других, которые в свою очередь исчезнут. Так разрушаются города и царства! Тщетно тысячи ополчений одно за другим употребляют свои вооруженные силы, чтобы поддержать их: непреодолимое течение времени все с собой уносит. А между тем человек полагается, рассчитывает на время и живет так, как будто бы ему одному не следовало испытать его разрушительного действия. Оно полагает свою надежду на время; но минуты его сумасбродства коротки. Время влечет его с собою, смерть его поражает, и вот он, распростертый, лежит уже без чувств: очи его погасли навсегда, язык его неподвижен, лицо покрыто смертною бледностью. Он был человек — теперь он хладный труп.

К чему послужила нечестивому преступная его дерзость? К чему послужили все удовольствия жизни, уважение и богатство, которыми он пользовался? Вчера он еще мог бы получить прощение всех своих заблуждений; ныне все для него кончено, душа его уже занимает в вечном жилище свое вечное место, а на земле скоро о нем совсем забудут.

Ужасна участь того, кто удалился от Бога и не умел воспользоваться временем Его милосердия, кто, ослепясь безрассудною гордостью, не внимал наставлениям добродетели, потому что полагал свою кончину еще отдаленною. Погруженный в обманчивый покой, он быстро пробежал краткое поприще жизни: незаметно дожил до последнего дня и достиг до крайней связи, которая должна соединить его время с его вечностью. Роковой час настал, он видит свое заблуждение и тщетно хотел бы избавиться от столь страшного приговора: неумолимое время мчится, не внимая его воплю, и вечность поглощает его в своих недрах, откуда никакая человеческая власть не в силах его исторгнуть.

Хотите ли вы, чтобы время текло для вас неприметно? Посвятите вашу жизнь добродетели. Благочестивый христианин не ропщет ни на время, ни на жизнь, ни на смерть: он тихо и спокойно продолжает свой путь, не нарушая законов природы. Но безумен, кто расточает свои дни, восстает против Неба и противится Создателю. Внутренняя борьба раздирает его грудь. Похоти противоборствуют похотям, сердце его делается жертвою тысячи противоположных страстей. Мы расточаем годы — а привязаны к жизни; мы убиваем время — и вместе желаем его воскресить; мы стремимся к смерти — и страшимся ее. Подобно двум, в несогласии живущим супругам и всегда взаимно недовольным, душа и тело вечно враждуют, покуда соединены; пришло время разлучения — они впадают в отчаяние.

Таков удел легкомысленного человека. Он страшится скуки, а скука прилепляется к нему и преследует его всю жизнь. Бог соединил удовольствие с полезным употреблением времени, а страдания с утратой его. Когда скука нас одолевает, поспешите приняться за полезное занятие: это средство самое действительное. Бездействие не есть отдых: душа может почувствовать истинное наслаждение только тогда, когда имеет приличную ей пищу; когда же она праздна, то чувствует нестерпимую тоску. Радость есть плод, который может созреть только в душе, упражняющейся в добродетели, и для того, кто в сем не находит удовольствия, жизнь есть мучение.

Время само по себе есть ничто, но цена ему — вечность. Оно есть монета, врученная нам Богом, чтобы мы посредством ее выкупились от вечной беды. Но мы тратим это сокровище на разные суетные предметы, и если по отходе души нашей из временной жизни в вечную мы обречены на вечное несчастье, то некого в том винить, кроме самих себя. Мы разрушили порядок, устроенный Богом, расточили в кратковременной сей жиз-

ни цену неисчерпаемых богатств; посему не правосудно ли будет лишить нас этих благ, когда время насладиться ими наступит? Тогда мы останемся в нищете, которую сами себе уготовили, потому что Бог не примет в свое царство того, кто расточал столь драгоценное сокровище. Жилище этого несчастного будет вечный мрак; неугасимый огонь, непрестанное угрызение совести, отчаяние и мучение будут терзать его вечно за причиненный себе самому вред и за сопротивление воле Божией.

Отец милосердия! из такой ужасной пучины Ты меня исторгнул!.. Как возблагодарить тебя за такую чрезмерную любовь: Великий Боже! просвещенный светилом веры, я вижу мрачное озеро отвергнутых, вижу пламя, подымающееся из этого страшного места; слышу шум раскаленных цепей и вопль отчаяния тех, которые, истратив время на земле, тщетно умоляют об одном лишь часе². Трепет пробегает по всем моим членам, и ужас проникает во все мои чувства; мысль моя содрогается от столь бедственной картины. Милосердный Боже! без Твоей неизреченной милости я был бы еще и теперь таковым же, каким был прежде: упорным, неблагодарным и жертвой пагубнейших заблуждений; смерть застала бы меня в этом ужасном положении; участь, злополучная участь моя, была бы решена безвозвратно. Я был бы навеки разлучен с Тобою, о, Боже милосердия и щедрот!.. Господи! сколь велики и неизреченны милости твои. О! сколь чистосердечно мое раскаяние!.. Беспредельна моя признательность к Тебе!.. *Кто отлучит меня от Твоей любви? скорбь ли, или тесноты, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?* (Рим. 8, 35). Нет! нет! уповаю на Твое милосердие и заступление! Если моих сил не станет, Ты, Всемогущий, подкрепишь меня. Ни жизнь, ни смерть, ни люди, ни земля, ни небо не могут отторгнуть меня от Твоей любви! Превечный! да буду и я с тобою вечно, да будет и моя любовь к Тебе вечна!

Смертные! возведите взоры на Небо! Прострите на землю, измерьте ими бездну: и там и здесь вечность — вечность блаженства или вечность мучений. К одной из этих двух противоположностей должно привести вас *Время*. Избирайте... полезное или дурное: употребление времени решит важный для вас вопрос; не забывайте: приговор не отменится. Подумайте и не употребляйте во зло временную жизнь. Но если, по несчастию, вы в том провинились, то не впадайте в отчаяние: посвятите остальное время на исправление первой, греховной, жизни, и пусть само время послужит вам средством выкупить блаженство, которое вы погубили. Худое употребление времени может

еще быть изглажено временем же. Это еще новое, не оцененное достоинство, которое Бог в беспредельном милосердии своем присвоил времени. Пока мы на земле, пока мы живы, можем покинуть порок, отстать от заблуждений, еще можем отклонить вечный приговор. В этой крайности Спаситель предлагает нам Свою кровь: Он сам есть вечная любовь; Он всегда готов отклонить от нас пагубные последствия нашего растления и оправдать нас делами Своего милосердия. Он желает принять нас в небесное Свое Царство, если только при разлуке со временем принесете Ему взамен непорочной жизни должную дань истинно сокрушенного сердца и знаки чистосердечного раскаяния. С таковым намерением Бог и отлагает Свое мщение и не посылает наказания вслед за преступлением. Все время, которым мы пользуемся после того, как подверглись Его справедливому гневу, есть дар беспредельной Его любви, которая призывает всех к покаянию и спешит карать, но всячески желает помиловать.

Господь всегда готов принять нас в Свои объятия и простить наши прегрешения: мы можем еще в короткое время приобрести Небо и обрести Бога. Но, если мы будем отлагать наше обращение, достаточно для смерти одного мгновения, чтобы поглотить нас, и тогда гибель вечная, невозвратная. Тогда после нас останется только то, что мы посеяли на земле и что вкусили от времени. Се мимо идет, всему конец; одна вечность неподвижна.

О, смертные! возлюбленные братья! Прибегните к добродетели, чтобы вознаградить часы, унесенные суетными увеселениями и забавами! Оживотворите эту грудку потерянных дней, истребленных пороком! Помыслите, что утрата времени есть более, чем потеря крови: оно есть истинное самоубийство.

